

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2024. Том 28, № 2
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья
УДК 821.161.1.09-К14
ББК 86.6
DOI 10.18522/1995-0640-2024-2-130-138

ОБРАЗ ДЕТСТВА В РАССКАЗЕ Ю. П. КАЗАКОВА «ВО СНЕ ТЫ ГОРЬКО ПЛАКАЛ»: ЧЕХОВСКИЕ ТРАДИЦИИ

Марина Владимировна Сорокина, Надежда Евгеньевна Тропкина

Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
Волгоград, Россия

Аннотация. Рассматривается образ детства в рассказе Ю. П. Казакова «Во сне ты горько плакал» в русле чеховских традиций, анализируются глубинные связи художественных принципов двух писателей. Отмечается особый интерес, который Ю. П. Казаков проявлял к творчеству А. П. Чехова. Выявляется сходство жанровой системы двух авторов и устанавливаются истоки этой общности, предопределенные тяготением как одного, так и другого к лирической прозе. Анализируются черты чеховского типа нарратива с присущей ему бесфабульностью и открытым финалом в рассказе Ю. П. Казакова «Во сне ты горько плакал». Доказывается, что чеховские традиции сыграли значительную роль в формировании топоса детства в лирической прозе Ю. П. Казакова.

Ключевые слова: Ю. П. Казаков, чеховские традиции, жанр рассказа, топос детства

Для цитирования: Сорокина М. В., Тропкина Н. Е. Образ детства в рассказе Ю. П. Казакова «Во сне ты горько плакал»: чеховские традиции // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2024. Т. 28, № 2. С. 130–138.

Original article

THE IMAGE OF CHILDHOOD IN THE STORY BY YU.P. KAZAKOV “IN A DREAM YOU CRIED BITTERLY”: CHEKHOV’S TRADITIONS

Marina V. Sorokina, Nadezhda E. Tropkina

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article examines the image of childhood in Yu.P. Kazakov’s story “In a dream you cried bitterly” in line with the Chekhov tradition, analyzes the deep connections of the artistic principles of the two writers. The research highlights Yu. P. Kazakov’s interest in Chekhov’s work and similarity of the genre systems of two authors. There have been established the origins of this community, which is determined by the attraction of both A.P. Chekhov and Yu.P. Kazakov to lyrical prose. The author analyzes the features of the Chekhov’s type of narrative with its inherent frivolity and an open ending in the story of Yu.P. Kazakov “In a dream you cried bitterly”. It is proved that Chekhov’s traditions played a significant role in the formation of the topos of childhood in the lyrical prose of Yu.P. Kazakov.

Key words: Yu.P. Kazakov, Chekhov’s traditions, the genre of the story, the topos of childhood

For citation: *Sorokina M.V., Troпкина N.E.* The image of childhood in the story of Yu.P. Kazakov "In a dream you cried bitterly": Chekhov's traditions // Proceedings of Southern Federal University. Philology. 2024. Vol. 28, № 2. P. 130–138.

Введение

Образ детства в литературном произведении – важнейшая составляющая картины мира в антропологическом аспекте. В русской поэзии и прозе XX в. он формируется во многом под влиянием традиций русской классической литературы. Одним из авторов, создавших художественный мир русских писателей минувшего века, был А. П. Чехов. Чеховским традициям в литературе XX столетия посвящено множество исследований. Однако изучение влияния чеховского образа детства на русскую прозу в трудах литературоведов недостаточно исследовано. Рассмотрим его на примере рассказа Ю. П. Казакова «Во сне ты горько плакал».

Исследование и его результаты

О традициях русской литературы в творчестве Ю. П. Казакова неоднократно писали, называя множество имен русских классиков, повлиявших на формирование художественного языка его прозы. А. П. Чехов занимает наиболее существенное место в этом ряду, что не раз становилось предметом исследования [Химич, 1970; Чекулина, 1983]. Его имя часто упоминается в переписке Казакова – например, в письмах к Л. В. Никулину, В. П. Рослякову. К чеховской теме писатель обращается в рассказе «Проклятый Север» (1964). Известно высказывание Казакова: «Он вошел в мою жизнь, как говорится, с младых ногтей, вместе с Толстым. Знакомство с ним, когда я не помышлял еще о писательстве, было плавным и как бы необязательным...» [цит. по: Кузьмичев, 2012, с. 91]. Закономерно, что обращение к теме детства формируется в его творчестве во многом в русле чеховских традиций.

Глубинные связи творчества Казакова с прозой Чехова прослеживаются в жанровом аспекте – это обращение к рассказу как главному жанру. Идея серьёзно взяться за рассказ пришла к писателю в 1959 г. В письме к В. В. Конечному он говорит о своих планах: «Задумал я, дядя, не более, не менее, как возродить и оживить жанр русского рассказа – со всеми вытекающими отсюда последствиями. Задача гордая и занимательная. Рассказ наш был когда-то силен необычайно – до того, что прошиб даже самонадеянных западников. <...> Давай напряжем наши умишки и силишки и докажем протухшему Западу, что такое советская Русь!» [цит. по: Кузьмичев, 2012, с. 27]. При всей ироничности и даже некоторой пародийности этих слов – в них заключается определенная авторская установка – писателем было издано 10 сборников рассказов, из них в 60-е гг. вышли «По дороге» (1961), «Голубое и зеленое» (1963), «Двое в декабре» (1966), «Осень в дубовых лесах» (1969).

Обращение к рассказу как главному жанру связано с чрезвычайно значимой особенностью и Чехова, и Казакова. «Изучающие творческий путь, стиль и метод Юрия Казакова постоянно задаются одними и теми же вопросами, которые быть может, покажутся странными обыкновенному читателю: <...> почему Юрий Казаков не написал роман?» [Иванов, 2002, с. 3]. Такой же вопрос был одной из загадок творчества А. П. Чехова. Ее разрешению посвящен ряд работ Д. Н. Медриша [Медриш, 1965, 1977]. Исследователь связывает эту особенность с важнейшим свойством авторского мира Чехова – преобладанием лирического начала в его прозе, это же присуще и прозе Казакова, которая с самого начала заявила о себе как лирическая. Это общее свойство

можно соотнести с широко известными словами Л. Н. Толстого: «Чехов – это Пушкин в прозе». Высшей точкой лирического начала у Казакова стали его рассказы о детстве. Для него, как и для Чехова, эта тема была органична, оба писателя создали произведения, которые вошли в литературу и для детей, и о детях.

Рассказ о маленьком сыне был задуман Казаковым еще в 1963 г., но только спустя долгое время замысел воплотился в рассказах «Свечечка» и «Во сне ты горько плакал», которые, по словам исследователя, «сам Казаков называл частями “триптиха”, предполагая написать еще рассказ “Компотик!”, обдуманный им во всех подробностях» [Кузьмичев, 2012, с. 226].

Совокупность произведений Чехова литературоведы интерпретируют как ненаписанный роман. Нечто подобное происходит и у Казакова: ряд его рассказов о детстве образует единый текст, который можно прочитать как «последнюю главу казаковского “романа”» [Кузьмичев, 2012, с. 225].

Оба рассказа – «Свечечка» и «Во сне ты горько плакал» – стали своего рода итогом творчества Казакова, его художественным завещанием. Знаменательно, что уже в после первой публикации рассказов, еще при жизни писателя, было обращено внимание на особую роль темы детства: «Показательна в этом смысле эволюция Ю. Казакова: в недавно вышедшей книге его избранных рассказов только два помечены 70-ми годами и оба – о детстве, о доме» [Эпштейн, Юкина, 1979, с. 256]. В рассказе исследователями была отмечена «интуиция детства» [Эпштейн, Юкина, 1979, с. 256].

Лиризм рассказа «Во сне ты горько плакал» задан уже заглавием – не столько литературным, сколько музыкальным. Известен эпизод, указывающий на его источник: «Мы специально ездили в Музей Бахрушина в надежде найти среди редких записей романс Шумана на стихи Гейне “Во сне я горько плакал”, причем в исполнении Шаляпина. Название рассказа Юрия Павловича – парафраз этой строки, и навеян рассказ не столько стихами Гейне из книги “Лирическое интермеццо”, сколько любимым романсом» [Кузьмичев, 2012, с. 35]. Такое музыкальное заглавие в целом было характерно для произведений Казакова [Букаты, 2012].

Рассматривая поэтику писателя, А. А. Нинов пишет: «В рассказах Юрия Казакова по-своему ставится проблема человеческого счастья – большая, освящённая традицией проблема русской литературы, над решением которой бились многие поколения прозаиков и поэтов. Сказать на эту тему что-либо новое, значительное, особенно трудно. В противоположность умозрительному, рационалистическому началу Казакова привлекает в человеке начало эмоциональное. Глубина и достоверность чувства, его первородность остаются для него основным мерилом характера» [Нinov, 1987, с. 343].

Рассказ «Во сне ты горько плакал» представляет собой монолог, обращённый к маленькому сыну Алёше и состоящий из зарисовок природы, картин быта, воспоминаний и размышлений о самоубийстве друга. Сосредоточенность на поведении малыша, описанного с отцовской нежностью, усиливает лиризм рассказа. *«Был один из тех летних теплых дней... Мы с товарищем стояли и разговаривали возле нашего дома. Ты же прохаживался возле нас, среди травы и цветов, которые были тебе по плечи, или приседал на корточки, долго разглядывая какую-нибудь хвоинку или травинку, и с лица твоего не сходила неопределенная полуулыбка, которую тщетно пытался я разгадать»* [Казаков, 2000, с. 431]. Созерцание жизни во всех её лучших проявлениях (в рассказе – это мир ребёнка и деревенский пейзаж) переплетается с повествованием о смерти. Размышлением о самоубийстве друга автор мысленно де-

лится с ребенком: «Теперь никогда больше не посмотрит он на тебя с нежностью, не заговорит с тобой...» [Казаков, 2000, с. 431]. Казаков соединяет противоположные по своей сути явления, при этом в рассказе они не противопоставляются, а представлены одновременно тихой минорной мелодией. Важно отметить, что композиционно рассказ выстраивается таким образом, что воспоминание о трагической и оставшейся неразрешимой загадкой смерти друга автор помещает в первую часть рассказа, вторая же часть полностью обращена к теме детства, ребенку. И возраст мальчика как бы воспроизводится в обратном хронологическом порядке: в начале рассказа Алеше – пять лет, а в финале – «было тебе в то лето полтора года» [Казаков, 2000, с. 245].

Полуторагодовалый ребёнок стоит в самом начале жизненного пути, в то время как другой герой – на пороге смерти. Это пограничное состояние, в плену которого оказался рассказчик, порождает кризис главного героя и заставляет его задуматься, представить мельчайшие детали бытовых картин: от повода для улыбки ребёнка до причины решимости друга покончить с собой. Две тайны – рождения и смерти – соединяются.

Сочетание на первый взгляд несовместимого – музыкальности прозы, красоты пейзажных описаний и изображения отнюдь не романтической реальности – мы встречаем в рассказе Чехова «Мечты». Тщедушный преступник, сбежавший каторжник воодушевляется мечтами о нормальной жизни: «Поставлю сруб, братцы, образов накуплю... Бог даст, оженюсь, деточки у меня будут» [Чехов, т. V, с. 400]. Автор наделяет мечты забитого, обречённого на гибель человека («Где тебе? Верст триста пройдешь и богу душу отдашь. Вишь ты, какой дохлый!» [Чехов, т. V, с. 402]) богатством поэзии. «Картины вольной жизни», «блаженное предвкушение далекого счастья» резко контрастируют с тяжелой, мучительной реальностью.

Кризисное состояние персонажа – конструктивный жанрообразующий фактор рассказа как жанра. По замечанию В. И. Тюпы, «кризисная неопределённость ценностного вектора жизни ведёт к образованию столь характерного для прозы А. П. Чехова жанрового топоса, как “другая жизнь”» [Тюпа, 2022]. Дама с собачкой признаёт: «Ведь есть же, – говорила я себе, – другая жизнь» [Чехов, т. X, с. 132]. У Гурова вследствие его внутреннего кризиса образовались «две жизни: одна явная, которую видели и знали все, кому это нужно было, полная условной правды и условного обмана, похожая совершенно на жизнь его знакомых и друзей, и другая – протекавшая тайно» [Чехов, т. X, с. 138].

Для героя рассказа «Во сне ты горько плакал» счастливый топос, та самая «другая жизнь», находится в прошлом, когда сын был совсем маленьким, а друг – живым. «Ну а тогда все мы были живы, и, как я сказал уже, стоял в зените долгий-долгий день, один из тех летних дней, которые, когда мы вспоминаем о них через годы, кажутся нам бесконечными» [Казаков, 2000, с. 434]. Можно сказать, что каждый из героев рассказа Казакова испытывает кризисное состояние: для друга – это осознание, что раньше «небо казалось таким высоким, таким синим! Потом оно ... поблекло» [Казаков, 2000, с. 433], для Алёши – тревожный сон, когда слёзы «текли так обильно, что подушка быстро намокала» [Казаков, 2000, с. 439]. Ребёнок «всхлипывал горько, с отчаянной безнадежностью. <...> будто оплакивал что-то навсегда ушедшее» [Казаков, 2000, с. 441] – именно так приходит, по мнению рассказчика, взросление.

Монолог главного героя – это своего рода исповедь перед сыном, наполненная глубокими переживаниями, обращением к экзистенциальным началам бытия. Спустя годы автора-повествователя все так же, как и раньше, мучают

вопросы, на которые нет ответа: *«Сны – всего лишь сумбурное отображение действительности? Но если так, какая же действительность тебе снилась? <...> Что успел узнать ты на свете, кроме тихого счастья жизни, чтобы так горько плакать во сне? Ты не страдал и не жалел о прошлом, и страх смерти был тебе неведом! <...> Или у нас уже в младенчестве скорбит душа, страшась предстоящих страданий?»* [Казаков, 2000, с. 441]. И подобно чеховскому Ваньке, рассказчику так и не суждено получить ответа, ведь память не хранит воспоминания ранних лет. *«Куда же это все канет, по какому странному закону отсечется, покроется мглой небытия, куда исчезнет это самое счастливое ослепительное время начала жизни, время нежнейшего младенчества?»* [Казаков, 2000, с. 443].

В своей исповеди герой сам уподобляется ребенку. Рецепция младенчества сына обращает его к собственному детству, и он вспоминает тяжелую картину встречи с отцом, заключенным в сталинские лагеря. В реальности эта встреча происходила в 1933 г. и стала для писателя поворотным событием – с ней он связывал свое обращение к литературному творчеству [Кузьмичев, 2012, с. 24]. *«Так давно я не видел отца, что короткая моя память о нем подернулась как бы пеплом и обернулась жалостью уже к себе за то, что я одинок без его грубых мозолистых ладоней, без его голоса, без его взгляда на себя»* [Казаков, 2000, с. 438]. Герой так же одинок в своих душевных терзаниях, как и чеховский Ванька Жуков.

Рассказ Казакова «Во сне ты горько плакал» не имеет четко выраженной фабулы, в нем прослеживается лирический сюжет. К структуре нарратива в рассказе можно в полной мере отнести следующее суждение: «Традиционный эпический сюжет в лирических рассказах Ю. П. Казакова подвергается трансформации. Писатель обращается к нелинейным, неклассическим формам и приемам сюжетной организации, сближающим поэзию и прозу» [Боровская, Егорова, Спесивцева, 2022, с. 156]. Герой-повествователь воссоздаёт перед читателем будто отрезки киноленты из собственной жизни, сопровождаемые лирическими отступлениями: вот первый снег, вот друг попросил патронов, ибо чудится ему, что дома кто-то ходит, а вот что он говорил о работе и т. д. Бесфабульные рассказы требуют особого отношения к слову, поэтому Казаков не скупится на изобразительно-выразительные средства, вкладывая в текст предельную эмоциональность. Помимо переживания из-за неумолимой скоротечности времени, героя Казакова тревожит чувство причастности к смерти друга: именно он дал ему патроны.

В творческом наследии Чехова немало бесфабульных рассказов. В качестве примера можно привести один из них – «На подводе». На протяжении всего текста Мария Васильевна едет на подводе и мысленно перебирает мечты о счастье, мысли о прошлом и о том, как *«человеческие отношения осложнились до такой степени непонятно, что, как подумаешь, делается жутко»* [Чехов, т. IX, с. 338]. Фабульное движение заменяется развитием тем и мотивов. Такая композиция позволяет говорить о сходстве построения некоторых рассказов Чехова с симфонией. Этот тип композиции ближе всего к лирическому стихотворению с его повторением, варьированием тем и мотивов, игрой образов-символов [Чудаков, 1971, с. 14].

Меланхоличное, элегическое настроение рассказа Казакова сосредоточено вокруг темы детства: образ маленького Алёши заставляет героев рефлексировать по поводу собственной судьбы, испытывать чувство потери чего-то сакрального, с чем больше не суждено будет соприкоснуться. *«Ты Алешу носил на плечах? А я ведь своих сначала носил, а потом мы все на велосипедах*

уезжали куда-нибудь в лес, и я все говорил с ними, говорил об Абрамцеве, о здешней радонежской земле...» [Казаков, 2000, с. 433], – вспоминает друг рассказчика. Детский возраст становится предметом зависти персонажей, ребёнок наделяется каким-то высшим знанием, которое человек теряет по мере взросления: *«...лицо твое приобрело выражение возвышенного, вещего знания, какие-то облачка пробегали по нему, каждое мгновение оно становилось иным, но общая гармония его не угасала, не изменялась»* [Казаков, 2000, с. 441].

Бессюжетность произведений Чехова и Казакова порождает глубокий психологизм ввиду смещения акцента с внешнего, событийного действия на движения внутренние. Усиливается чуткость героев к деталям, окружающей природе. Радонежская земля, Абрамцево становятся местом сосредоточения счастья, и главный герой рассказа каждое своё воспоминание сопровождает местным пейзажем, то умиротворённым и спокойным, то буйным, предвещающим беду и вызывающим тоску. Пейзажные описания наделяются повторяемостью, присущей лирике. *«Будто ночной выстрел, прозвучавший в Абрамцеве, летел и летел через всю Россию, пока не достиг меня на берегу моря. И точно так же, как и теперь, когда я пишу это, било в берег и изрыгало глубинный свой запах море в темноте, далеко направо, изогнутым луком огибая бухту, светилась жемчужная цепочка фонарей...»* [Казаков, 2000, с. 433]. Как будто один морской вид заставил героя окунуться в далекие воспоминания и заново пережить счастливые мгновения. Счастливые именно благодаря своей простоте и умиротворённости.

В рассказе Казакова, как было отмечено выше, выстраивается сложная структура нарратива, которая предопределяет хронотоп рассказа. Естественно, что одним из доминирующих в тексте оказывается топос детства. В рассказе он представлен как перцептуальное и как концептуальное пространство, как пространственное восприятие чужого детства – детства сына Алеши, и как возникшие воспоминания автора-повествователя о собственном детстве, точнее, об одном эпизоде из его детских лет. Впечатления сына наполнены картинками природы, которые доминируют в структуре топоса детства в рассказе *«Во сне ты горько плакал»*, и топос этот формируется в русле чеховских традиций. Сам мир природы увиден глазами ребенка, что характерно и для рассказов Чехова о детстве [см.: Базилевская, 2008, 2010].

Близость ребенка к природе более глубокая, чем у взрослого. Радость малыша при общении с природным миром вызывает волну смятения в душе автора: *«Господи, чего бы я не отдал, чтобы только узнать, чему ты улыбаешься <...> Уж не знаешь ли ты нечто такое, что гораздо важнее всех моих знаний и всего моего опыта?»* [Казаков, 2000, с. 439]. *«Чертя палкой по снегу, ты принимался разговаривать сам с собой, с небом, с лесом, с птицами, со скрипом снега <...> и все тебя слушало и понимало, одни мы не понимали, потому что говорить ты еще не умел. Ты заливался на разные лады, ты булькал и агукал, и все твои ва-ва-ва, и ля-ля-ля, и ю-ю-ю, и уип-тип-уип означали для нас только, что тебе хорошо»* [Казаков, 2000, с. 438]. Вспоминая слова друга главного героя, что небо было когда-то ярче, читатель вместе с рассказчиком невольно задаётся вопросом: что же такого сакрального было утеряно взрослым и почему друг героя так спонтанно решил прервать свою жизнь?

Ю. М. Лотман отмечал: *«Начало-конец и смерть неразрывно связаны с возможностью понять жизненную реальность как нечто осмысленное... С того момента, как индивидуальное бытие превращается в бытие сознательное (бытие сознания), это противоречие из характеристики анонимного процесса превращается в трагическое свойство жизни»* [Лотман, 1992]. Ребенок, таким

образом, понимается Казаковым как носитель вечного: «в вечности же человек растворяется и перед смертью, уходя в небытие» [Новосёлова, 2022, с. 238]. Неиерархичные отношения времени в рассказе, где прошлое, настоящее и будущее сосуществуют в едином пространстве и перетекают одно в другое, создают спокойную, светлую тональность итоговых суждений, приводят читателя и самого героя к смирению с ощущением «порога», ситуацией «предсмертия».

В рассказе «Во сне ты горько плакал» можно отметить не только бесфабульность, но и особый тип финала, о котором Д. Н. Медришем сказано: «Первое проявление “неоконтуренной” чеховской композиции – это так называемая “нулевая” развязка (zero ending)» [Медриш, 1980, с. 211]. М. Ч. Ларионовой раскрывается природа этого типа нарратива, связанная с «неопределенной модальностью лирической песни» [Ларионова, 2017, с. 22]. Такая же модальность присуща и лирике как литературному роду в целом. В этом произведении Ю. П. Казакова прослеживается подобный тип открытого финала.

В итоге рассказчик приходит к выводу, «что и все-то на свете сотворено затем только, чтобы на него взглянули глаза ребенка! Что царствие божие принадлежит тебе» [Казаков, 2000, с. 244]. Это делает ребёнка хранителем тайны. Все остальные мозаичные составляющие произведения – воспоминания, рассуждения о самоубийстве, прогулки – служат для усиления общей картины потери, расставания, утраты. «*Душа твоя, слитая до сих пор с моей, – теперь далеко и с каждым годом будет все отдаляться, отдаляться, что ты уже не я, не мое продолжение и моей душе никогда не догнать тебя...*» [Казаков, 2000, с. 244].

Фраза, которой писатель резко завершает своё сложноорганизованное повествование («*А было тебе в то лето полтора года*» [Казаков, 2000, с. 245]), растворяет содержание рассказа, как растворяется жизнь человеческая во времени.

Заключение

В рассказе Ю. П. Казакова «Во сне ты горько плакал» раскрывается образ ребенка и топос детства, сформированные под влиянием чеховских традиций. Это проявилось на уровне жанра и родовой принадлежности текста, ее лирической интенции. Чеховское влияние во многом предопределило архитектуру рассказа: его бесфабульность, открытый финал, лирический пейзаж и музыкальность, особый тип художественной детали, формы авторского присутствия. Топос детства в рассказе актуализирован через образы восприятия ребенком окружающей природы, самой сути мира. Подобно тому как Чехов вмещает в короткий рассказ всю человеческую жизнь, Казаков создает произведение, в котором из небольшого по объёму рассказа о детстве вырастает сложное философское повествование о потерянном счастье, неизменном одиночестве человека перед неразрешимыми проблемами бытия.

Список источников

Базилевская А. К. Два аспекта темы детства в рассказах А. П. Чехова // Вестн. культурологии. 2008. № 4. С. 35–53.

Базилевская А. К. Тема детства в рассказах А. П. Чехова: этико-психологические аспекты // Изв. Уральского гос. ун-та. Серия 2: Гуманит. науки. 2010. № 4 (82). С. 6–15.

Боровская А. А., Егорова О. Г., Спесивцева Л. В. Неклассические принципы сюжетосложения в лирических рассказах Ю. Казакова // Вестн. Московского гос. лингв. ун-та. Гуманит. науки. 2022. № 1 (856). С. 150–158.

Букаты Е. М. Цитатная природа названия, поэтика художественного пространства и времени в наброске рассказа Юрия Казакова «Вечерний звон»: опыт анализа одного рассказа // *Lingua Mobilis*. 2012. № 3 (36). С. 7–18.

Иванов А. П. Поэтика рассказов Юрия Казакова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 20 с.

Казаков Ю. П. Во сне ты горько плакал : рассказы. М.: Современник, 2000. 445 с.

Кузьмичев И. С. Жизнь Юрия Казакова : док. повествование. СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга, журн. «Звезда», 2012. 536 с.

Ларионова М. Ч. «Чеховедение» Д. Н. Медриша: этнокультурный вектор // Восток – Запад: пространство русской литературы и фольклора : сб. ст. по итогам седьмой Междунар. науч. конф. (заочной), посвященной 90-летию со дня рождения Д. Н. Медриша. Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2017. С. 19–26.

Лотман Ю. М. Смерть как проблема сюжета. 1992. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/LOTMAN/LOTMAN06.HTM> (дата обращения 17.09.2023).

Медриш Д. Н. Комментарий к неопубликованным и неоконченным произведениям А. П. Чехова // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. М.: Наука, 1977. Т. VII. С. 718–724.

Медриш Д. Н. Литература и фольклорная традиция. Вопросы поэтики. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1980. 297 с.

Медриш Д. Н. Страницы ненаписанного романа // Русская литература. 1965. № 2. С. 172–179.

Нинев А. А. Сквозь тридцать лет. Проблемы. Портреты. Полемика. 1956–1986. Л.: Советский писатель, 1987. 462 с.

Новосёлова Е. А. Рассказ Ю. П. Казакова «Во сне ты горько плакал...»: поэтика финала итогового текста // Новый филол. вестн. 2022. № 2 (61). С. 230–240.

Тюпа В. И. Катастрофа как нарратологическая категория (к постановке проблемы) // *Narratorium*. 2022. Вып. 16. URL: <https://narratorium.ru/2018/07/24/валерий-и-тюпа-москва-чеховский-расс/> (дата обращения 14.01.2024).

Химич В. Чеховские традиции в рассказах Ю. Казакова // Учен. записки Уральского ун-та. 1970. Вып. 17. С. 70–91.

Чекулина Н. А. Лирическая проза Юрия Казакова (проблематика и жанровые особенности) : дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1983. 163 с.

Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Соч. : в 18 т. М.: Наука, 1974–1982.

Чудаков А. П. Поэтика Чехова. М.: Наука, 1971. 291 с.

Эпштейн М. Н., Юкина Е. Ю. Образы детства // Новый мир. 1979. № 12. С. 242–257.

References

Bazilevskaya A. K. (2010). The theme of childhood in the stories of A. P. Chekhov: ethical and psychological aspects. *Proceedings of the Ural State University. Series 2: Humanities*, no. 4 (82), pp. 6-15. (In Russian).

Bazilevskaya A. K. (2008). Two aspects of the theme of childhood in the stories of A. P. Chekhov. *Bulletin of Cultural Studies*, no. 4, pp. 35-53. (In Russian).

Borovskaya A. A., Egorova O. G., Spesivtseva L. V. (2002). Non-classical principles of plot composition in lyrical stories by Yu. Kazakov. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*, no. 1 (856), pp. 150-158. (In Russian).

Bukaty E. M. (2012). The quotable nature of the title, the Poetics of artistic space and time in the outline of Yuri Kazakov's short story "Evening Bell": the experience of analyzing one story. *Lingua Mobilis*, no. 3 (36), pp. 7-18. (In Russian).

Chekhov A. P. (1974-1982). *Complete works and letters*: in 30 vols. Works: in 18 vols. Moscow, Science. (In Russian).

- Chekulina N. A. (1983). *Lyrical prose by Yuri Kazakov (problems and genre features)*. Dissertation. Tashkent, 163 p. (In Russian).
- Chudakov A. P. (1971). *Chekhov's poetics*. Moscow, Science, 291 p. (In Russian).
- Epstein M.N., Yukina E.Y. (1979). Images of childhood. *The New World*, no. 12, pp. 242-257. (In Russian).
- Ivanov A.P. (2002). *The poetics of Yuri Kazakov's short stories*. Dissertation thesis. Moscow, 20 p. (In Russian).
- Kazakov Yu.P. (2000). In a dream you cried bitterly: stories. Moscow, Contemporary, 445 pp. (In Russian).
- Khimich V. (1970). Chekhov's traditions in the stories of Yu. Kazakov. *Scientific Notes of the Ural University*, iss. 17, pp. 70-91.
- Kuzmichev I.S. (2012). *The Life of Yuri Kazakov*. Documentary narration. St. Petersburg, Union of Writers of St. Petersburg, Star Magazine, 536 p. (In Russian).
- Larionova M.Ch. (2017). "Czech Studies" D.N. Medrish: an ethnocultural vector. *East – West: The Space of Russian literature and folklore*. A collection of articles on the results of the 7th International Scientific Conference (correspondence) dedicated to the 90th anniversary of the birth of D.N. Medrish. Volgograd, Volgograd Scientific Publishing House, pp. 19-26. (In Russian).
- Lotman Yu.M. (1992). *Death as a problem of the plot*. Available at: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/LOTMAN/LOTMAN06.HTM> (accessed 17.09.2023).
- Medrish D.N. (1977). Commentary on unpublished and unfinished works of A.P. Chekhov. Chekhov A.P. *Complete collection of works and letters*: in 30 vols. Moscow, Science, vol. VII, pp. 718-724. (In Russian).
- Medrish D.N. (1980). *Literature and folklore tradition. Questions of poetics*. Saratov, Publishing House of the Saratov University, 297 p. (In Russian).
- Medrish D.N. (1965). Pages of an unwritten novel. *Russian Literature*, no. 2, pp. 172-179. (In Russian).
- Ninov A.A. (1987). *Through thirty years. Problems. Portraits. The controversy. 1956-1986*. Leningrad, Soviet writer, 462 p. (In Russian).
- Novoselova E. A. (2022). Yu. P. Kazakov's story "In a dream you cried bitterly...": poetics of the final of the final text. *New Philological Bulletin*, no. 2 (61), pp. 230-240. (In Russian).
- Туупа V.I. (2022). Catastrophe as a narratological category (to the formulation of the problem). *Narratorium*, iss. 16. Available at: <https://narratorium.ru/2018/07/24/валерий-и-тюпа-москва-чеховский-расс/> (accessed 14.01.2024). (In Russian).

Сведения об авторах

Сорокина Марина Владимировна – аспирант кафедры литературы и методики ее преподавания, topchieva_nn@mail.ru

Тропкина Надежда Евгеньевна – докт. филол. наук, профессор, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания, netropkina@mail.ru

Information about the Authors

Marina V. Sorokina – post-graduate student of the Department of Literature and Methods of Teaching, topchieva_nn@mail.ru

Nadezhda E. Tropkina – Ph.D. in Philology, Professor, Professor of the Department of Literature and Methods of Teaching, netropkina@mail.ru

Статья поступила в редакцию 22.01.2024; одобрена после рецензирования 12.04.2024; принята к публикации 12.04.2024.

The article was submitted 22.01.2024; approved after reviewing 12.04.2024; accepted for publication 12.04.2024.